

Е. А. Окладникова

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ О МОДЕЛИ ВСЕЛЕННОЙ: МЕГАЛИТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ЗАПОЛЯРЬЯ И ЭВЕНКИЙСКИЕ ПЕТРОГЛИФЫ

В современной науке господствует установка на объективное видение окружающего мира. В традиционной культуре народов Евразии, а именно: протосаамского населения северо-запада и эвенкийского населения тайги Восточной Сибири, напротив, господствовал тип знания об объективных природных закономерностях, который реализовывал субъективное видение человека. Механизмом, способствующим росту знаний об окружающем мире, служил повседневный опыт. В данной статье знания мы понимаем широко — как форму существования, систематизации и представления (репрезентаций) результатов практической деятельности людей. Знание реализуется в оформлении субъективного образа реальности: понятии, представлении, образном «картоиде»¹ — рисунке, объемной или пространственной скульптуре. Представленное в структурированной форме знание о модели мира людей традиционного общества отличалось структурностью, стремлением выявить связи между природными и социальными явлениями, а также тенденцией к управлению этими явлениями. Знания об окружающем мире формировались и транслировались из поколения в поколение с помощью разнообразных метафор, а именно: зооморфной и геометрической системой образов наскального искусства, ритуальными символическими конструкциями (трилитоны, кромлехи, менгиры, дольмены и каменные-выкладки (лабиринты) и др.).

Модель мира — это форма описания, структурирования и репрезентации базовых пространственно-временных координат,

¹ Термин географа Б. Б. Ромодана.

которые конкретизируют место определенной группы людей (племени, народности) в мифологически описанном космосе. Модель мира изображает сценарии возникновения, генезиса и выявляет закономерности и перспективы существования мифологизированного мироздания. Но такой мистически осмысляемый конструкт, как модель мира, в архаическом и традиционном мировоззрениях обладал географической коннотацией, ассоциированной с идеей сакрального ландшафта. Сакральный ландшафт — это часть природного, но духовно освоенного человеком пространства. Его качественными характеристиками являются: виртуальность, размерность, историчность, маркированность конкретными древними монументами (включая скалы с петроглифами), вписанность в фольклорные дискурсы.

В настоящей статье речь идет о мегалите (трилитоне «Вороний камень» на горе Горелой в Мурманске), каменных выкладках-лабиринтах Кольского полуострова (лабиринт у деревни Умба)¹ и наскальных рисунках Приамурья.

Предмет исследования — сравнительный анализ трансляционно-когнитивных функций (репрезентация и трансляция представлений о пространственно-временной модели мира) мегалитов (трилитона, который получил название «Вороний камень» (гора Горелая, г. Мурманск), каменных лабиринтов Северо-Запада России (Умбинский и Кандалакшский), петроглифов на священных скалах Приамурья (бассейны рек Алдан, Олёкма), то есть археологических памятников, которые оставили люди одного хозяйственно-культурного типа.

Цель настоящей работы — с помощью сравнительного историко-культурного метода и использования элементов астроархеологического анализа выявить ту роль, которую мегалиты Кольского полуострова и петроглифы Приамурья исполняли в качестве инструментов осмысления природного феномена «пространство–время», являясь одновременно вещественными маркерами сакральных ландшафтов.

¹ Эти памятники древней культуры Северо-Запада России были исследованы нами в ходе экспедиции на Белое море летом 2012 г.

Благодаря работам Л. Бинфорда [Binford 1972], Д. Кларка [Clarke 1968], Я. Ходдера [Hodder 1995], Б. Триггера [Trigger 1978], трудам отечественных археологов В. И. Равдоникаса [Равдоникас 1937], Н. Н. Гуриной [Гурина 1948; 1953: рис. 2], Б. А. Рыбакова [Рыбаков 1980], А. П. Окладникова [Окладников 1967], К. Д. Лаушкин и др. (то есть в процессе развития сначала «новой археологии», а затем процессуальной, постпроцессуальной и символической археологии) стало понятно, что информационная ценность археологических материалов значительнее, чем считалось раньше. Методы символической археологии позволили обосновать существование такого историко-культурного феномена, как «сакральный ландшафт» [Окладникова 2010: 49–56; 2011а: 279; 2011б: 19–28]. Сакральный ландшафт является частью культурного, исторического ландшафта любого региона нашей планеты, заселенного людьми. Использование данных палеоэтнографии в междисциплинарных исследованиях в середине XX в. способствовало становлению астроархеологии. Астроархеологический подход дал ключи к разгадке многих ранее считавшихся таинственными (а потому и не рассматривавшихся официальной археологией) особенностей мегалитических памятников, составивших основу наиболее архаического пласта маркеров сакральных ландшафтов древней Евразии.

В процессе археологических исследований, а также работ краеведов-любителей на территории Кольского полуострова были выявлены типы исторических монументов, которые являются маркерами-интеграторами его сакрального ландшафта, а именно:

1) *наскальные рисунки* (выбитые — Канозеро [Петроглифы Канозера 2005], в долине р. Поной, в среднем течении р. Умба [Там же]; нанесенные красной охрой(?) — на полуострове Рыбачий [Там же]);

2) *сейды и трилитон* (Вороний камень на горе Горелой, Мурманск);

3) *лабиринты* и др.

Все они являются не только памятниками монументального искусства (петроглифы) и мегалитической архитектуры (сейды, лабиринты, дольмен), но и интеграторами сакральных ландшаф-

тов древней Евразии. Аналогичными интеграторами сакральных ландшафтов Приамурья были священные скалы-бугады, поверхность которых в особых местах покрывалась наскальными рисунками, вбитыми или нанесенными красной краской. Рисунки на почитаемых скалах были оставлены предками эвенов-оленоводов, с которыми встретились русские землепроходцы в XVIII в. Между наскальными рисунками IV тыс. до н.э., наскальными изображениями III–II тыс. до н.э., изображениями XVII–XIX в. прослеживается сюжетная и стилистическая связь. Соответственно, хозяйственные практики, связанная с ними духовная культура оставались неизменными на протяжении продолжительного времени. Следовательно, к этнографической информации, описывающей структуру и функции мировоззренческих установок коренного населения этого региона, дающей ключи к пониманию практик управления временем и организации природного и социального пространства, свойственных традиционно культуре эвенков, можно относиться как к историческому источнику. В свидетельствах русских землепроходцев на Амуре XVIII в., впервые встретивших эвенков-оленоводов, сохранились прямые указания на то, что скалы с рисунками являются объектами почитания. Такие скалы рассматривались местными жителями как «храмы под открытым небом». У их подножия совершали обряды охотничьей магии, отправляли календарные и родовые культы. Свидетельствами тому являются следы многочисленных жертвоприношений: наконечники стрел, кусочки обработанного кремня, монеты, спичечные коробки, табак, патроны, тряпочки и т.п. [Окладников, Мазин 1976: 116]. Около этих скал совершались магические промысловые обряды с участием шаманов. Важными моментами таких обрядов были: 1) путешествие шаманов в другие миры; 2) возвращение оттуда в образах обожествляемых животных (оленя, лося); 3) ловля шаманом оленя или лося; 4) стряхивание с себя шерстинок, которые волшебным образом превращались в оленей [Василевич 1930: 57–67]. Лоси и олени особо почитались эвенками: начиная с повседневной культуры и заканчивая космологическими представлениями. С охотой на оленей и лосей, употреблением их мяса в пищу, использованием

шкур были связаны особые обычаи [Окладников, Мазин 1976: 111]. В философском плане образы этих животных у эвенков ассоциированы с астральной сферой. Так, с образом лося связаны звезды, созвездия и планеты. Зарождение представлений космогонического и космологического плана у народов Сибири датируется периодом 6–8 тыс. лет назад [Окладников, Мазин 1979: 82]. Созвездие Большой Медведицы почти у всех эвенков ассоциировалось с образом лося [Василевич 1951: 162–163]. Млечный Путь осмыслялся как след лыж охотника, который гнался за небесным лосем, «укравшим время» [Там же: 163] (рис. 1). На р. Мая был обнаружен наскальный рисунок, сюжетом которого была сцена охоты лучника на оленя. Позднее к оленю было пририсовано изображение солнца. Как писала Г. М. Василевич, белые и пестрые олени у эвенков и других народов Сибирской тайги ассоциировались с солнцем [Василевич 1957: 180]. В наскальных рисунках Приамурья, обнаруженных на скалах в бассейнах рек Алдан и Олёкма, в образной форме запечатлены представления эвенков о небесном лосе, олене, солнце, луне, звездах (рис. 2) и священных скалах — храмах под открытым небом, расположенных в особых точках сакрального ландшафта тайги Северо-Восточной Сибири. Священные скалы с рисунками имели расширенное обозначение и именовались бугады. Аналогичным именем была

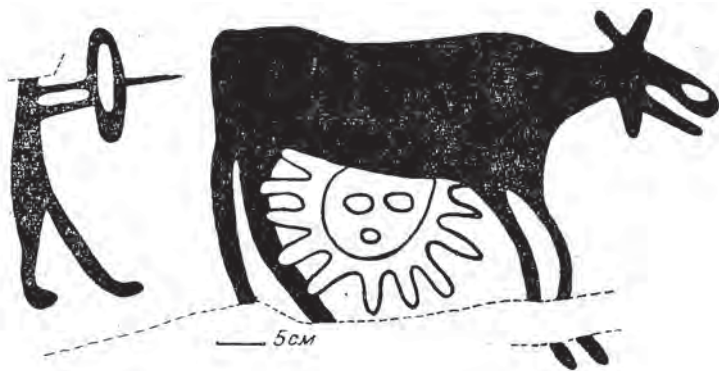

Рис. 1. Звезды, солнце и луна. Средняя Нюкжа
(источник: [Окладников, Мазин 1979])

наделена хозяйка тайги и зверей Энекэ-бугады, в фольклорных текстах выступавшая в зооморфной ипостаси (самка оленя, лося) [Окладников 1950: 228].

Вороний камень в Заполярье также является интегратором крупного сакрального ландшафта, ныне расположенного на горе, практически в центре современного Мурманска. Вороний камень — это крупный гнейсовый валун, расколовшийся на две половины, образовавшие щель (рис. 3). Внешне он напоминает дольменообразную конструкцию (трилитон) высотой более двух метров [Ершов 2009]. Кольцевая выкладка вокруг трилитона сделана искусственно. Именно выкладка свидетельствует о том, что камень был объектом поклонения, связанным, как и многие другие дольмены Заполярья, с палеокалендарными счислениями (рис. 4) [Там же].

Рис. 2. Лось и охотник.

Р. Мая (источник: [Окладников, Мазин 1976])

Рис. 3. Вороний камень. Вид с севера (источник: [http://adromy4.livejournal.com/233760.html])

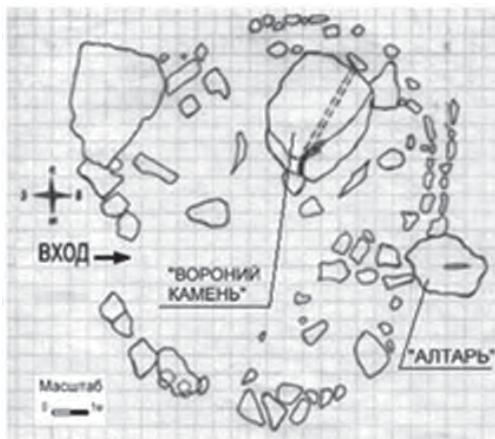

Рис. 4. Вороний камень. Кольцевая выкладка. План (источник: [http://adromy4.livejournal.com/233760.html])

Рис. 5. Трилитон. Стоунхендж
(источник: [http://t2012.ru/blog/zagadki_stounkhendzha/2010-06-28-3508])

У Вороньего камня есть аналоги: классические трилитоны, которые формируют внутреннее кольцо Стоунхенджа (рис. 5), инкасуиты в канадской Арктике [Окладникова 2013: 154–166].

Кольцо выкладки вокруг трилитона ориентировано по странам света. Многие дольмены древней Евразии или каменные конструкции (как рукотворные, так и естественные) ориентированы в геодезическом или астрономическом планах [Стафеев, Томилин 2006: 121]. Функция трилитонов, подробных Вороньему камню, с позиций астроархеологической теории ясна: в дни солнечного и весеннего равноденствия Солнце восходит точно на востоке. Но день весеннего равноденствия примечателен еще и тем, что накануне восхода Солнца в точке его появления над горизонтом всходит зодиакальное созвездие эпохи: наблюдается гелиакальный восход. Световые камеры дольменов, а в нашем случае — щель Вороньего камня, могли символизировать возвращение или новое рождение умерших. Солнечный луч, попадавший в отверстие дольмена в день весеннего равноденствия, символизировал акт слияния Солнца с Матерью-Землей, как полагал исследова-

тель памятников каменного века Индии Э. Тилльнер (цит. по: [Дэ-никен 2004]). Кромлехи символизируют годовой цикл Солнца, многие из этих памятников являются древнейшими календарями. Вероятно, кольцевая выкладка вокруг Вороньего камня имела аналогичную функцию [Дэникен 2003]. Практики счисления, а тем самым и управления временем с помощью мегалитических инструментов были известны неолитическому населению Средиземноморья [Там же: 130]. Круг из камней, который был выложен у основания такого трилитона, как Вороний камень, значительно расширял возможности линейной визирной системы, которой, собственно, и служил камень. Мегалиты со щелевыми отверстиями (дольмены, коробчатые каменные выкладки, камни с отверстиями) увеличивали точность визирования. Они создавали некие визирные рамки и были прообразами будущих безлинзовых диоптров.

Трилитоны начиная с эпохи неолита становятся распространенными инструментами счисления времени и, соответственно, управления им. Технологии управления временем с помощью трилитонов включали астрономические методики, которые, в свою очередь, содержали несколько параметров исследования: 1) *пространственный* — определение системы взаимного расположения и количественных характеристик объектов и групп, а также их связей с социокультурными и природными элементами регионального и глобального пространств; 2) *временной* — выявление корреляции векторов сакрального пространства и азимутов восходов/заходов светил в дни астрономических кульминаций и народных календарных праздников; 3) *информационный* — анализ знаковых и семантических соотношений, форм их выражения [Марсаолов 2005: 34–42].

Другую группу интеграторов сакральных ландшафтов Заполярья представляют лабиринты. Лабиринты, выложенные камнями, известные под разными названиями (вавилонны, «троянские города»), — широко распространенный археологический объект Севера Европы (Скандинавия) и Северо-Запада России [Toivinen 1993: 77–83]. На Кольском полуострове в настоящее время осталось восемь таких лабиринтов. Летом 2012 г. мы посетили два из

них: в Кандалакшинском заливе (расположен на мысе Питкульский, на абсолютных отметках 3,4 м над уровнем моря (рис. 6). Его координаты — N 67°09'45,9" E 32°23'19,6") [Колька, Корсакова 2008] и на Терском (у дер. Умба, 6,6 м над уровнем моря) берегу Белого моря (рис. 7). Сегодня датировки лабиринтов уточняются. Лихенометрические методики определения возраста лабиринтов, то есть замеры высоты лишайников, произведенные шведскими учеными [Гурина 1948: 61], позволили установить, что лабиринты возводились в разное время (начиная с конца XIII в.

Рис. 6. Лабиринт. Кандалакша. Фото автора. 2012 г.

Рис. 7. Лабиринт. Умба. Фото автора. 2012 г.

и вплоть до наших дней). Геологические методики позволили определить возраст Кандалакшского лабиринта периодом не ранее II тыс. н.э. (то есть 918 лет календарных лет) [Колька, Корсакова 2008]. При этом Умбинский лабиринт, возможно, древнее, чем Кандалакшский. С точки зрения конструкции, ориентации и техники исполнения все североевропейские лабиринты объединяют следующие особенности:

1) они располагаются в непосредственной близости от моря (за редким исключением, например долина р. Попой);

2) они расположены таким образом, что морской водой никогда не заливались;

3) общепринятая ранее датировка лабиринтов, предложенная археологами (в пределах V–I тыс. до н.э. [Гурина 1953: 125–142; Мулло 1966: 185–193]), сегодня пересматривается;

4) камни, которые использовались для сооружения колец лабиринтов, специально не отбирались строителями: употреблялся любой подручный материал;

5) входы лабиринтов ориентированы преимущественно по линии С–Ю, а некоторые боковые, выдающиеся по размерам камни — по линии В–З.

На протяжении столетий, то есть начиная с конца XIX в., времени, когда ученые впервые заинтересовались лабиринтами Северной Европы, функция этого вида мегалитических сооружений оставалась загадкой. Их считали ловушками для рыбы (Н. Н. Гурина), приспособлениями для солеварения и приготовления соленого раствора для засолки рыбы [Галанин 2003], основаниями для сооружения иглу, жертвенниками и алтарями, приспособлениями для ориентирования в пространстве и счисления времени (Н. М. Виноградов), входами в подземное царство, поглотителями негативной энергии земли, так как они располагаются в местах геомагнитных аномалий [Виноградов 2010], и др.

Одна из конструктивных разновидностей лабиринтов, которую нам удалось выявить в ходе полевого исследования лабиринтов Кольского полуострова, — это *закрученная спираль*, типа той, которая изображена на ойнохойе из Тральателлы. Она состоит из вписанных друг в друга систем каменных спиралей. Прямой ана-

логией такой конструкции лабиринтов может служить вписанность друг в друга треугольников, образующих конструкцию другого мистического символа — скандинавского валькнута. Валькнут — это магический символ, представляющий три сплетенных треугольника (рис. 8, 9). Значение этого символа в скандинавской мифологии трактуется по-разному, поэтому его смысл многозначен. Основные толкования: знак мирового древа Иггдрасиль, соединяющего все три мира: Асгард (верхний мир), Мидгард (срединный мир), Хельхейм (нижний мир). Согласно мифологической скандинавской модели мира, таких миров девять (то есть три мира, умноженных на три). По сути, валькнут — это символ перехода из одного мира в другой, который подвластен Одину. Кроме того, валькнут именуют как «Узел убитых», «Узел избранных» в силу того, что им владеет Один, который определяет, кому из умерших воинов направляться в Вальхаллу, а кому — в Хель. Валькнут — это модель, описывающая структуру Вселенной, некая праматрица космоса. Он является знаком-символом

Рис. 8. Валькнут. Символ перехода между мирами (источник: [http://runa-odin.narod.ru/nr/mk.htm])

Рис. 9. Валькнут. Кровавый камень. Готланд, Норвегия. Прорисовка (источник: [http://ru.wikipedia.org/wiki])

единства прошлого, настоящего и будущего; тела, духа и души; единства, преобразования, перехода [Младшая Эдда 2010; Камень из Стура Хаммаре 2010] и др.

Основными формами, в которых реализуется идея лабиринта, являются: 1) лабиринт как литературный мотив (лабиринт-путаница); 2) лабиринт как определенная последовательность движений (танец); 3) лабиринт как графическое изображение (рисунок). С точки зрения искусствоведческого формального анализа лабиринт — это художественный прием превращения квадрата в круг. С точки зрения философского анализа такое превращение есть достижение невозможного, хотя эта проблема имеет математическое решение (теория фракталов). Для нашей темы интересно, что в лабиринте находят выражение космологические воззрения протосаамского населения Заполярья [Керн 2007: 11]. Известны многочисленные археолого-семантические интерпретации значения и символики лабиринтов Европы, Австралии, Индии, Америки.

Среди наиболее важных функций каменных выкладок-лабиринтов Кольского полуострова можно выделить следующие: 1) управление временем в процессе социализационных обрядов; 2) управление временем/пространством закона и порядка (морально-оценочный модус лабиринта); 3) упорядочивание хронотопа (управление) космического времени; 4) упорядочивание хронотопа; 5) управление временем естественного движения жизни: танец жизни и смерти [Окладникова 2013: 154–166].

В табл. 1, где представлено соотношение способов репрезентации знаний о природе и модели мира у протосаамского населения Заполярья и эвенков (Северо-Восточная Сибирь) и их предков, можно увидеть ориентацию творцов сакральных ландшафтов древней Евразии на осмысление модели мира двумя способами: с помощью зооморфного кода и через концепт многоуровневой умозрительной конструкции (многоуровневая модель Вселенной). Эвенкийская плоскостная (рисунчатая, петроглифическая) система репрезентации знаний о мироздании имеет описательный характер, а протосаамская мегалитическая тяготеет к инструментализму и абстракции.

Таблица 1

**Способы репрезентации знаний
о природе и модели мира с помощью объектов
сакрального ландшафта**

	Мегалиты	Лабиринты	Петроглифы
Способы репрезентации времени	Кольцевая выкладка у подножия трилитона (гора Горелая) как астрономический инструмент, позволяющий наблюдать за астральными объектами и считать время [Окладникова 2013: 154–166]	Спирали лабиринтов Кольского полуострова закручены в разные стороны, обозначая завершение одного временного цикла и начало другого	Мифический лось Хоглен осуществляет манипуляции со временем (похищает день) [Василевич 1936: 282]
Способы репрезентации пространства	Трилитон как инструмент ориентации в пространстве [Окладникова 2013: 154–166]	Входы в лабиринты расположены по линии С–Ю. Боковые крупные, вертикально установленные валуны маркируют направления В–З	Мамонт — символ преисподней [Василевич 1949: 155]
Способы репрезентации астральных и природных объектов, а также наблюдений за ними	В каменной выкладке у подножия трилитона сделаны разрывы, которые ориентируют эту пригоризонтальную обсерваторию по сторонам света. В разрывах помещены вертикальные камни-визеры. Эти элементы композиции превращают конструкцию	Аналогичные по конструкции спиралевидные лабиринты Ирландии использовались для наблюдения за солнечным лучом для счисления времени в период солнцестояний	Оленеводы сибирской тайги и тундры: ассоциация оленя, лося с солярным божеством [Штернберг 1936: 118; Окладников 1950: 294–295]. Ассоциации лосей, оленей с созвездиями [Окладников, Мазин 1979; 1976: 112, 117].

Таблица 1

	Мегалиты	Лабиринты	Петроглифы
	в устройство горизонтального визи-рования [Окладникова 2013: 154–166]		В лопарском фоль-клоре лось описы-вался как радуга, пьющая воду из реки [Харузин 1890: 148]. В петроглифах Ал-дана II–I тыс до н.э. появляются антро-поморфные сюжеты в лучистых голов-ных уборах
Способы репрезента-ции модели мира	Трилитон распола-гается в центре священной для конкретной соци-альной группы территории, мар-кирует место еже-годных ритуалов хозяйственного цикла, являясь ал-лоформой центра модели мира [Млад-шая Эдда 2010]	Кольские лабирин-ты по конструкци-и могут быть сопо-ставлены с изобра-жением знака Оди-на — Валькнотом, который описывал-ся в скандинавском эпосе как инстру-мент упорядочива-ния структур и про-цессов во Вселен-ной [Окладникова 2013: 154–166]	Дух-хозяйка земли бугады (священная лосиха). Бугады — это название свя-щенных скал с ри-сунками [Окладни-ков 1950: 294–295]. Вселенная пред-ставлена в образе восьминогого лося [Аврорин, Козьмин-ский 1949: 326]
Способы мифологиче-ской интерпре-тации	Священный кол, столб, ось, распо-ложенная в центре системы миров (верхнего, среднего и нижнего)	Символический знак перехода меж-ду системой миров многоуровневой мо-дели мира (верх-ним, средним и нижним)	Звериный эпос, вос-певающий могуще-ство лося и дикого оленя

Выводы

Мегалиты, включая Вороний камень, служили инструментами социального контроля над временем. Сакральная символика Вороньего камня была, судя по данным астроархеологических исследований, тесно связана с ритуалами, соотношенными с культом Солнца в жизни людей и природы Заполярья.

Технологии счисления времени и, соответственно, управления им на социальном уровне распространялись с запада на восток. Если предположить, что создателями Вороньего камня были протосаамы, то генетические данные (генеогеографии) свидетельствуют о том, что у современных саамов есть общие генетические корни с древним населением Атлантического побережья (берберами и басками) [Кровавый орел 2008]. Речь идет о ранне-неолитическом населении, которое появилось на просторах Скандинавии после отступления ледника. Это были люди археологической культуры Комса. В период между 1500–1000 гг. до н.э. начинается отделение протосаамов от протофиннов (предков современного населения Карелии и Финляндии).

Визуальное конструктивное сходство каменных лабиринтов с валькнудом позволяет высказать предположение, что эти мегалитические сооружения могли быть связаны с культурой мореходов-викингов. Основные функции лабиринтов: ориентационная, календарная и, главное, космологическая, наглядно иллюстрирующая идею перехода между тремя сферами мироздания.

Наскальные рисунки Приамурья (бассейны рек Алдан, Олёкма) в описательной форме передают систему представлений о модели мироздания, в образной знаково-символической форме фиксируя основные идеи космогонических и космологических мифов.

На основании упомянутых в статье археологических материалов можно высказать предположение, что протосаамское население Заполярья обладало более развитой системой представлений о мироздании и более совершенными (технологическом плане) способами счислений и репрезентаций знаний о пространстве/времени, чем близкое ему по хозяйственно-культурному типу протоэвенкийское население Приамурской тайги.

Библиография

Аврорин В. А., Козьминский И. И. Представления орочей о Вселенной, переселении душ и путешествия шаманов, изображенные на карте // Сб. МАЭ. Л., 1949. Т. 11. С. 324–331.

Василевич Г. М. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов // Этнография. 1930. № 3. С. 57–67.

Василевич Г. М. Сборник материалов по эвенкийскому фольклору. Л., 1936.

Василевич Г. М. Языковые данные по термину хэл-кэл // Сб. МАЭ. Л., 1949. Т. 11. С. 154–156.

Василевич Г. М. Ранние представления о мире у эвенков // ТИЭ. Л., 1951. Т. 51. С. 162–163.

Василевич Г. М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды // Сб. МАЭ. Л., 1957. Т. XVII. С. 151–185.

Виноградов А. В. Лабиринт «вавилон» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kandalaksha.org/interesno/374-kandalakshskij-labirint.html> (2010).

Галанин А. В. Беломорские солевары [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://jupiters.narod.ru/varjagi.htm> (2003).

Гурина Н. Н. Каменные лабиринты Беломорья // СА. М.; Л., 1948. Т. X. С. 134–138.

Гурина Н. Н. О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцева морей // МИА. М.; Л., 1953. № 39. С. 408–420.

Дэникен Э. По следам всемогущих. М., 2003.

Дэникен Э. Каменный век был иным. М., 2004.

Ершов Л. Вороний камень [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://murmago.narod.ru/nfvoron.htm> (2009).

Камень из Стура Хаммаре [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (2010).

Керн Г. Лабиринты мира. СПб., 2007.

Колька В. В., Корсакова О. П. Опыт применения геологических методов для определения возраста археологических объектов (каменных лабиринтов) беломорского побережья Кольского полуострова [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kolasc.net.ru/russian/sever08/sever08_3.pdf (2008).

Кровавый орел [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (2008)

Марсадалов Л. С. Методические аспекты изучения древних святыщ Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований:

сб. науч. тр., посвящ. 60-летию Ю. Ф. Кирюшина. Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 45–51.

Младшая Эдда. «Язык поэзии» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/medda/003.htm> (2010).

Мулло И. М. К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья // Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л., 1966.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. М.; Л., 1950. Ч. I–II.

Окладников А. П. Утро искусства. Л., 1967.

Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976.

Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы бассейна реки Алдан. Новосибирск, 1979.

Окладникова Е. А. Функция сакральных ландшафтов Забайкалья и Верхнего Приамурья // Проблемы теории и истории культуры. СПб., 2010. Вып. 3. С. 34–48.

Окладникова Е. А. Признаки сакрального в культурном ландшафте древней Евразии // IX конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. (4–8 июля 2011 г.). Петрозаводск, 2011а. С. 279.

Окладникова Е. А. Сакральные ландшафты древней Европы: качественные характеристики и типология // «Олень золотые рога» и его автор: роман с пространством // Homo Eurasicus в сакральных ландшафтах древности: материалы науч.-практ. конф. (26 октября 2010 г.). СПб., 2011б. С. 19–28.

Окладникова Е. А. Технологии управления временем у народов древней Евразии // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2013. Вып. 26. С. 154–166.

Петроглифы Канозера [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kae.rekvizit.ru/kan/kanintr.htm> (2005).

Равдоникас В. И. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений // СА. 1937. № 4. С. 11–32.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1980.

Стафеев С. К., Томилин М. Г. Пять тысячелетий оптики: предыстория. СПб., 2006.

Харузин Н. Русские лопари. Очерки современного и прошлого быта. М., 1890.

Штернберг Л. Н. Орнамент из оленьего волоса и игл дикобраза // СЭ. 1936. № 33–34. С. 114–118.

Binford L. An archaeological perspective. N. Y., 1972.

Clarke D. L. Analytical archaeology. L., 1968.

Hodder J. Theory and practice in archaeology. N. Y., 1995.

Toivinen T. Field-labyrinths in the Baltic sea area // *Karhunhammas*. Turku, 1993. № 15. P. 49–56.

Trigger B. G. Time and traditions: essays in archaeological interpretation. Edinburgh, 1978.

Abstract

Combined techniques of astroarchaeological and comparative historical-cultural analysis helped to identify the role that the megaliths of the Kola Peninsula (in particular “Crow stone” on mount Gorelaya in Murmansk) and the petroglyphs of the Amur region as comprehension instruments of the natural phenomenon of the “space-time” used by ancient population. In remote antiquity both kinds of megalithic monuments could be real markers of sacred landscapes. During the field studies (2012–2013) we found out the following. Protosaam population could use megalithic monuments of the Kola Peninsula (the most striking of which is “Crow stone”) as a tool of social control over time. “Crow stone”, according to astroarchaeological hypothesis could be associated with Sun worship in the life of people and Arctic environment. This magic way of time management technologies and management of social life were spread from West to East of Bronze age Eurasia.

Visual structural similarity of stone labyrinths magic walknut symbol allows to assume that these megalithic structures could be related to Viking’s culture. The cosmological function of labyrinths can illustrate the idea of switching between three spheres of Viking’s mythical Universe

Petroglyphs of the Amur river basin (basins of Aldan and Olekma rivers) in a descriptive way also transfer a system of ideas about the model of the Universe, shaped in a symbolic form, clarifying main ideas of cosmogonic and cosmological myths.

So archaeological artifacts allow to assume that Protossam population of European Polar region had more developed system of ideas about the Universe and more perfect (technologically) ways of representations their knowledge about “space-time” than their allies in economic-cultural type Protoevenk population of the Amur taiga.